

ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ЛИНИЙ В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ В XVIII в.

Е.В. СТАРКОВА

Барнаульский государственный педагогический университет

История Верхнего Приобья, начиная с момента его присоединения к России, протекала в непрерывной борьбе со «степными соседями», претендующими на приграничные территории юго-западной Сибири. В этом противостоянии развивался и совершенствовался опыт военно-инженерного строительства охраны и безопасности колыванских предприятий и кузнецких волостей. Необходимость в защите горнозаводских предприятий привела к строительству крепостей при заводах и рудниках. Так, первым укрепленным пунктом стала Колыванская крепость (1726–1728 гг.), в 1744 г. появились: Шульбинская, Змеиногорская, Чагырская и Барнаульская крепости. Тем не менее этого было недостаточно. В первой половине XVIII в. Обь-Иртышское междуречье характеризовалось наличием хаотично расположенных опорных пунктов, не отвечающих возрастающим потребностям защиты присоединённых к Российской империи земель. Ситуация усложнялась отсутствием демаркации границы с Джунгарским ханством.

В 1733 г. Сибирской губернской канцелярии был дан указ об осмотре «мест, где надлежит быть границе с Красноярскими пограничными волостями, с землями калмыцкого владельца с пограничными волостями всего Кузнецкого ведомства, по которым урочищам или рекам и прочим признакам описание учинить и чертежи приготовить». Из соображений экономической и политической выгоды граница должна была охватывать Колывано-Воскресенские заводы и пограничные ясачные волости с плодородными землями и звериными промыслами [1]. В этом же году, по императорскому указу, данному кузнецкому и красноярскому воеводам Бартеневу и Баклановскому, столынику Колычеву (известному своей работой по разграничению китайской границы) и кузнецкому дворянину Мельникову было приказано составить реестр пограничных мест. Первое описание контурных очертаний границы, проходящей через Кузнецкую и Колыванскую волости, начиная от Сагайской и Белтинской волостей

по реке Абакану до реки Бухтармы и Нарыма было составлено П. Мельниковым, И. Жиженым и В. Ефремовым [2]. Тем не менее, граница проведенная Россией в одностороннем порядке не рассматривалась Джунгарией в качестве демаркационной линии. Верховья Оби западные монголы по-прежнему считали собственностью своего государства [3].

Политика постепенного расширения российских территорий за счет введения в её состав казахских жузов и принятия в подданство некоторых коренных народов Южной Сибири, в контексте внешнеполитических отношений с соседней Джунгарией, а затем с Китаем, привели к пересмотру фортификационной политики правительства в бассейне верхнего течения Оби.

Инженерные рекогносцировки Верхнего Приобья начала 40-х гг. XVIII в. показали, что часть Сибирской линии от Семипалатинской крепости Иртышской линии до Телецкого озера расстоянием в 450 верст представляла «открытый для проникновения противника» участок границы. Дисперсное расположение крепостей, предназначенных для частной охраны заводских предприятий или административных потребностей, не отвечали элементарным нормам стратегической безопасности. Внешнеполитические обстоятельства повлияли на формирование фортификационной идеи усиления границы в указанном районе. Она строилась на основе создания единой линии обороны, состоящей из отдельных опорных пунктов различной величины и функциональной значимости. Находясь на определенном военными инженерами расстоянии, укрепленные пункты должны были создать возможность эффективного надзора над порубежной территорией. Предложенная структура отвечала специфике местности и ранее созданной системе её охраны – частыми конными разъездами и патрулями, а гористая местность представляла непрерывную преграду, которая в сочетании с расположенным на ней оборонительным архитектурным комплексом давала больше

преимуществ, чем обычные земляные профили и насыпи других военных линий Российской империи.

Целенаправленная фортификационная деятельность сибирских властей была определена совещанием оренбургского губернатора И.И. Неплюева, сибирского губернатора генерал-майора А.И. Сухарева и статского советника Кириллова 17 марта 1743 г., которое послужило сигналом к конструктивной реорганизации оборонительной системы алтайского (джунгарского) участка Сибирской границы. Консилиум был закономерным продолжением правительственного курса военно-инженерного укрепления границ Российской империи «...от московской стороны до алтайских гор...» [4]. Не прекращающийся поток претензий со стороны джунгарского правительства заставил губернские власти Сибири и Урала объединить свои усилия в разработке проекта по созданию непрерывной линии обороны. По соображениям губернаторов, «для лучшей пользы и выгоды правительства линию нужно было провести от Семипалатинской крепости через демидовские Колывано-Воскресенские заводы до Телецкого озера». Логика проекта состояла в том, что промышленный комплекс был защищен от неожиданных нападений противника, а заводские крепости могли стать основой «проектируемой линии». Демаркация границы и её последующие укрепления явно нарушали военно-политический паритет Джунгарского ханства, сложившийся на этом участке Сибирской линии. Однако риск был обоснован, линия не только делила спорные территории, но и оставляла в тылу крупные гражданские поселения (Красный Яр, Кузнецк, Белоярск, Бийск, Малышевск). Постепенное выдвижение русских крепостей в степь, увеличивало и защищало массив новых земель [5]. Кроме того, плотность заселения указанных населенных пунктов позволяла избежать дополнительного привлечения к оборонительным работам жителей других районов [6]. Проект Сухарева-Неплюева отвечал главному правилу тактической фортификации: крепости и форпосты должны были возводиться в удобных для жизни людей местах. В случае образования незащищенного пространства превышающим 30 верст, губернаторы предлагали установить редуты. Открытие новых рудных месторождений в районе Средней Катунь и Телецкого озера, обследование района Усть-

Каменогорска, способствовали включению Усть-Каменогорской крепости в состав проектируемой линии, так чтобы все колыванские предприятия остались в тылу линии и «...в зенгорские жилища отнюдь не вдаваться...» [7]. После завершения инкорпорации следовало сразу же провести редемаркацию местности, закрепив её установкой «специальных знаков принадлежности земель российским владениям» [8].

Из отчета 1745 г., составленного кузнецким воеводой майором Шапошниковым, нам известно о существовании на территории Кузнецкого уезда 5 опорных пунктов: Бикатунской, Белоярской, Малышевской, Охсырской и Кузнецкой крепостей, а так же почтовых дворов и конюшен, находящихся на дистанциях от Ямышева до Семипалатинска, Усть-Каменогорска и Колывано-Воскресенского завода. Воевода Шапошников, пожалуй, был первым, кто начал активно заниматься вопросом реорганизации системы охраны Верхнего Приобья. Он предлагал её усовершенствовать путем дополнительной установки почтовых дворов и защит, укрепленных рвами, надолбами и рогатками. По тракту от Шульбинского завода до Змеевского рудника, на расстоянии 84 версты, воевода планировал поставить 2 защиты и почтовые дворы. На промежутке от Колыванского завода до Бикатунской крепости протяженностью 237 верст в районе Чарышской, Кабановой и Усть-Ануйской деревень он хотел учредить 3 редута. Следующие 104 версты линии должны были усиливаться почтовыми дворами. Между редутами, находящимися на участке от Бикатунской крепости до Колыванского завода, в направлении Кузнецка следовало поставить почтовые дворы [9]. Необходимость создания почтовых дворов на территории Верхнего Приобья диктовалась условиями тактического расположения деревень, которые возникали стихийно и образовывали прилинейную жилую линию, не имеющую никакой защиты. Шапошников утверждал, что оптимальная система безопасности сложится только тогда, когда в сочетании с почтовыми дворами на линии будут выстроены форпосты, редуты, а посредством конных разъездов сложится оптимальная система коммуникации [10].

В этом же году премьер-майор Кинеман обратился в Военную коллегию и Сенат с предложением укрепления и соединения

небольших населенных пунктов приграничной полосы в единую линию. В осуществлении этого проекта он видел защиту гражданского населения от разорительных набегов враждебно настроенных соседей, а также возможность усовершенствования линии обороны средствами местного укрепления форштадтов (гражданских поселений, примыкающих к военным пунктам). Помимо этого, он предлагал незамедлительно приступить к строительству дополнительных фортов. Оба варианта реорганизации системы охраны не меняли стратегических параметров линии. Лишенные финансовой поддержки правительства они были нацелены на локальную коррекцию внутренней структуры безопасности Верхнего Приобья. Всё же пожелания местного командования не остались без внимания, они были учтены военными инженерами, осуществлявшими стратегическую реконструкцию Колыванской и Кузнецкой линий. Альтернативой дисперсному (рассеянному) расположению линейных укреплений и деревень стал вариант регуляризации всех объектов «обывательского» и военного назначения в непрерывную оборонительную черту, исходящую из Семипалатинской крепости через Колывано-Воскресенские заводы до Телецкого озера [11].

В 1746 г. для осмотра и «освидетельствования» Обь-Иртышского междуречья были направлены экспедиции инженеров С. Плаутина и И. Токмачева, которые двигались на встречу друг другу и преодолели более 900 верст. В результате военно-инженерной рекогносцировки местности ими был сделан вывод свидетельствующий о невозможности проведения трассы линии от «Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера и Саянского камня», как требовал Сенат. Все же С. Плаутин нашел компромисс и предложил проект, реализация которого должна была завершить юридическое оформление двоеданных волостей в составе Российской империи, а линия, состоящая из 379 верст с 9 крепостями и 54 редутами, связать Усть-Каменогорскую крепость Иртышской линии с Телецким озером. Исходной точкой трассы была назначена крепость у истока Бии, откуда линия шла до Татарской Комляжской двоеданческой волости, где на устье Бии следовало поставить еще одну крепость, от которой проложить дорогу к Телецкому озеру и

поставить на ней 3 редута. Затем, от Комляжской крепости на устье реки Дондаши Плаутин рекомендовал поставить еще одну крепость, а между указанными объектами, заложить 3 редута. Далее, на устье реки Алачжури нужно было построить еще одну крепость, а на дистанции между соседними стратегическими объектами, поставить 3 редута. В Командинской волости, неподалеку от которой проходила «Калмыцкая дорога», на левом берегу Бии, было намечено строительство очередной крепости и между последними укреплениями Плаутин планировал к построению 4 редута. Следующая крепость должна была находиться в Татарской Яуцкой волости. Между ней и предыдущей крепостью рекомендовалось сделать 2 редута. Исходя из наличия в Телеуцкой волости двух дорог, ведущих к Катунь и Бии, Плаутин планировал на правом берегу Маймы поставить крепость. Между ней и следующей по плану крепостью, надлежало установить 4 редута. Тактико-стратегические преимущества этого района, благоприятные для хлебопашества, удобно расположенная по отношению к ним Калмыцкая дорога, облегчающая транспортировку продовольствия в укрепленные объекты военной линии, подразумевали наличие крепости на устье реки Иши. Недалеко отсюда была запланирована еще одна крепость, в географической близости от которой были учреждены 3 редута. Выгодные в экономическом отношении Кузнецкие волости с обнаруженными «желтыми» рудными месторождениями, нужно было закрепить еще одним укрепленным пунктом, расположенным на устье реки Аи, а между последними пунктами возвести 2 редута. От Айской крепости линия тянулась через степь вплоть до Ануя.

Проведение линии таким образом противоречило правилам военно-инженерной науки. Однако отступление от правил стратегической фортификации оправдывалось тактическими преимуществами местности: плодородностью почв, наличием широкой сухой дороги, по которой можно было возить провиант до укрепленного города Кузнецка. Поэтому через 57 верст от предыдущей крепости «на Ануе должна была встать крепость и 4 редута». Недалеко от неё надлежало поставить еще одну крепость и 4 редута. Только в случае подобного размещения укреплений можно было без лишних

сложностей наладить транспортировку продовольствия из Томска до Чарыша – водным путем, а уже оттуда сухопутным путем. У деревни Кабановой, где было хорошо развито хлебопашество, было логично заложить крепость и 3 редута, а оттуда задать направление линии через степь до деревни Харловой, где и установить такую же крепость и 3 редута. И уже отсюда трасса линии должна была пойти в направлении к Колывано-Воскресенскому заводу. Местность между намеченными Плаутиным пунктами благоприятствовала развитию скотоводства и земледелия. Район Колыванского завода был богат лесными угодьями, что представлялось крайне важным для строительства Колыванской крепости, к возведению которой прилагался особый план с проектом, предусматривающий наличие 4 редутов. От Колывано-Воскресенского завода линия шла в направлении реки Алей, «где земля была плодородной, а хлеб можно было возить сухим путем». Достаточное количество леса способствовало организации бесперебойного строительства крепости и 4 редутов. На расстоянии 38 верст от предыдущей крепости, на правом берегу Убы, нужно было поставить четырехугольную крепость и 2 редута. Линия заканчивалась у Усть-Каменогорской крепости, которую надлежало лучше укрепить, а между ней и Убинской крепостью установить 5 земляных редутов. Тактические преимущества предлагаемой Плаутиным линии были весьма заманчивы, однако стратегические неудобства ее проведения мешали осуществлению этого проекта в полной мере [12].

В то же время, когда в Верхнем Приобье работали представители военных властей, горные власти направили для замеров военной линии Петра Шелегина. Замеры показали, что расстояние от Бийской крепости и деревни Иконниковой до Телецкого озера составляло 284 версты, а от Телецкого озера до реки Верх-Башкатской – 207 верст. Общая протяженность линии, проходящей вдоль экономически выгодного участка границы колыванских предприятий, включала в себя 491 версту, по другой дороге (обратно до деревни Новиковой Кузнецкого ведомства) – 428 верст. Осмотрев районы Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей, Шелегин установил, что в случае проведения трассы линии от Семипалатинской крепости на Колыванские

заводы, все предприятия и рудники останутся с джунгарской стороны [13]. Указанные обстоятельства вынуждали высшее военное командование к продолжению военно-инженерной работы над проектом новой границы.

Существенный вклад в дело фортификационной реорганизации охраны Верхнего Приобья внес первый командующий Сибирским корпусом Х. Киндерман, который обследовал линию в том же 1746 г. В отличие от Плаутина, стремившегося отнести линию как можно дальше в горы, генерал ставил главной задачей «спрямление» линии и сокращение общего числа укреплений до четырех, это, по его мнению, позволяло вывести более оптимальный сикурс (угол направления) с Иртышской линией. Киндерман старался провести линию так, чтобы все форштадты, слободы и хлебопахотные земли остались в её тылу [14]. Проектная деятельность генерала Х.Х. Киндермана характеризовалась наглядным проявлением общероссийской тенденции сокращения количества стратегических объектов на укрепленных линиях при их укрупнении [15].

Вопросом укрепления Верхнего Приобья занималось и заводское руководство. Бригадир А.В. Безр в декабре 1745 г. в докладе Елизавете Петровне предложил собственный план обороны колыванских заводов и рудников. Помимо ранее построенных укреплений, А.Безр планировал заложить оборонительное сооружение на Таре или Убе, форпост на устье реки Плоской, впадающей в Убу, закончить возведение крепости при Шульбинском заводе, превратить в крепость строящийся в верховьях Алея форпост, укрепить Колывано-Воскресенский завод тремя бастионами «из дикого камня», где разместить артиллерийские орудия, восстановить разрушенную в 1744 г. Чагырскую крепость, достроить опорный пункт при Змеиногорском руднике, построить новые крепости на стратегически важных реках – Ануге, Катунь и Бии [16].

Практически все предложения Безра были утверждены царицей в 1747 г. Императорский указ от 1 мая 1747 г. определил основное направление границы, которое должно было закрепляться проведением оборонительной линии через рекомендуемые Безром и Киндерманом места, с учетом пожеланий инженеров, ранее изучавших территорию Верхнего Приобья.

«Для бережения заводов серебряных от набегов и разорений неприятельских сделать крепости на реках Убе, Алее, Катуне, Алее, Чагырском руднике вместо сожженной от Кан-Караколпаков, на реке Ануе, Катуне, Бии, Шульбе, на Змеиной горе, на Колывано-Воскресенском заводе три батареи, хотя на этих местах в некоторых уже остались от Демидова укрепления...» [17]. Фрагмент приведенного выше документа демонстрирует приоритетные сферы развития военно-инженерной деятельности на Алтае. В ближайшие годы власти планировали закончить создание Колыванской укрепленной линии. Расположение и состояние кузнецких фортификационных сооружений пока оставалось неизменным.

Реализация проекта 1747 г. началась практически сразу. В этом же году были достроены или заложены: «Шульбинская, Змеевская, Чагирская, Ануйская, на 8 верст выше деревни Тырышкиной, на устье Каменной речки, в трех верстах от деревни Иконниковой, в 1748 году на реке Убе форпост, Шемонаевский и Красноярский в 1749 году...», Бийская крепость и Алейский форпост. Пограничная деревня Кабанова, расположенная на Чарыше, была реорганизована в военный пункт [18]. Сенат торопил местные власти с возведением укрепленной линии, создавая финансовые возможности организации новой военно-инженерной системы охраны и обороны Верхнего Приобья [19]. Высокие темпы строительства оборонительной системы были пропорциональны заинтересованности правительства в охране собственных заводов и приисков.

Объединение заводских и линейных крепостей в непрерывную военную линию, положило начало структурному оформлению военно-инженерной системы Колывано-Воскресенского горного ведомства и Кузнецкого уезда. Было заложено основное направление и стратегические параметры Колыванской линии: от форпоста Убинского вверх по одноименной реке до места, где Уба впадает в реку Шемонаиху, далее через Змеиногорский рудник и Колывано-Воскресенский завод, оттуда по реке Чарыш до форпоста Николаевского, а затем на Ануй. Заканчивалась Колыванская линия крепостями Ануйской, Катунской и Бийской [20]. Все же, несмотря на реализацию кабинетского проекта укрепления Верхнего Приобья 1747 г., крепости сохраняли

дисперсное расположение, промежуточные расстояния между объектами составляли 40 и более верст. Количество линейных редутов было незначительно.

Протяженность неохранных разъездами и не укрепленных оборонительными постройками пространств в 1750-е гг. составляло:

Дистанция	Число верст
от Шульбинского завода до Красноярского форпоста	30
до Шемонаевского форпоста	20
до форпоста Святой Екатерины	30
до Алейского форпоста	10
до Змеевского рудника	22
до Колыванского завода	33
до Мурзинского рудника	28
до деревни Харловой	15
до реки Маралихи, где была построена станция	18
до деревни Кабановой	36
до реки Калмановой, с построенной на ней станцией	21
до озера Степаново, где была построена станция Озерная	26
до Алейской крепости	45
от Алейской крепости через реку Песчаную до крепости Катунской	21
до крепости Бикатунской через деревню Иконникову	16
до Новиковой деревни, где расположен Новиковский форпост	54
до станции Старо-Чумышской	31
до деревни Кузедеевой	36
до укрепленного города Кузнецка	51

Таким образом, протяженность Колыванской и Кузнецкой дистанций Сибирской линии от её крайней точки – Шульбинского завода – до города Кузнецка составляла 543 версты. В её составе насчитывалось 3 крепости, 4 форпоста, 2 завода, 1 защита, удобных для расположения станций мест 4, деревень с запланированными в них станциями 2 и укрепленный город Кузнецк [21]. Число неукрепленных мест, через которые неприятель мог беспрепятственно проникнуть на территорию Российской империи, признавалось не допустимым [22]. Тем не менее, контурные очертания Колыванской линии конца 40-х – начала 50-х гг. XVIII столетия стали своеобразным трамплином для дальнейших фортификационных изысканий военных инженеров и геодезистов.

В 1759 г. «для обследования и осмотру дел по Колыванской и Кузнецкой линиям прибыли господин премьер-майор Максимильтян (?) и прапорщик Верещагин», которым «...было велено, где есть крепостное строение в недостроенном или ветхом виде исправить». Помимо этого они

должны были составить полное описание внутреннего положения состояния военнослужащих, обеспечивающих охрану «Кузнецкой и Колыванской границы»: количестве регулярных и нерегулярных команд, уровне их обеспеченности провиантским довольствием, вооружением и тягловой силой [23].

Замечания по организации обороны Верхнего Приобья, сделанные Максимилианом и Верещагиным, сводились к перечислению военно-инженерных недостатков обороноспособности стратегических пунктов. Они предлагали: усилить Бийскую крепость палисадом и двумя угловыми бастионами; форпост Усятский укрепить рвом, обнести рогатками, а его форштадт огородить новым палисадом или заплотом; о деревне Бехтемирской «стребовать резолюцию и устное соглашение»; в Катунской крепости вместо сломанной башни поставить полубастион, рогатки и надолбы, ветхие постройки поправить, организовать защиту Катунскому форштадту; вокруг Ануйской крепости и её форштадта выкопать ров, имеющиеся башни переделать под полубастионы, реорганизовать форштадт (как ранее, предлагали Кинеман и Дегаррига); в Николаевском форпосте ров «скопать», а форштадт обнести надолбами и рогатками; в Терском станце – «обывательского строения не иметь».

На Колыванской линии исправлению подлежали: Каймановский станец, Кабановская защита, форпост Казанской богородицы, Ашмаринский станец, форпосты – Алейский, Святой Екатерины, Убинский и Красноярский, станец Шемонаевский. Так, в Кабановском станце, нужно было расширить форштадт, сделать амбары, утеплить казармы, поставить новый палисад, рогатки и надолбы; в Кабановской защите – башню переделать под 2 полубастиона, вокруг форштадта участить все рогатки и надолбы или установить палисад, увеличить полезную площадь амбаров, построить 3 казармы (унтер-офицерскую, драгунскую и караульную); учредить два маяка «на половине пути между станцем Каймановским, дер. Кабановской и Маралихой»; ров, окружающий форпост Казанской богородицы, снести и «...отступив от старого рва 3 сажени, обнести его новыми рогатками и надолбами, а форштадт укрепить палисадом и сделать 2 полубастиона, смотрящих в разные стороны»; поставить маяки между

форпостом Казанской богородицы и деревнями Харловой и Карповой; из дер. Ашмаранской сделать защиту, укрепив её новой пятистенной избой, окруженной надолбами и рогатками, построить амбар и «крепость надежную при том станце поставить»; в Алейском форпосте построить новые казармы, полубастионы переделать в бастионы, форштадт и крепость обнести новым рвом и заплотом; в форпосте Святой Екатерины перестроить казармы, вокруг форпоста и форштадта, отступив от ранее выкопанного рва 3 сажени, сделать новый, дополнительно усиленный надолбами и рогатками; в форпосте Убинском сломать 3 старых казармы и построить на их месте новые, а вокруг крепости и форштадта выкопать ров; в Красноярском форпосте «ров и заплот прибавить в высоту, а вокруг крепости ров поправить»; в Шемонаевском станце углубить и выстлать дерном ров, облицевать его дранкой [24].

Предлагаемая реконструкция оборонительной системы не имела цельного характера и, по существу, была направлена лишь на модернизацию укрепленной линии и превращение старых башенных и полубастионных крепостей в крепости бастионного типа. Новый проект не менял сути оборонительной системы охраны Верхнего Приобья и влиял только на незначительное расширение территории, путем переноса стратегических элементов внешней обороны крепостей в сторону противника.

Полковник Фон Лорих, а затем командир Колывано-Кузнецкой линии Франц Дегаррига, планировали внести изменения в общие очертания границы, укрепив дистанции от Новиковского до Кузедеевского форпоста двумя редутами, от Ануйской крепости до Николаевского форпоста 1 редут [25]. Бригадир Колыванской линии Дегаррига рекомендовал провести реорганизацию форштадтов. Им были введены типовые проекты сооружения новых деревень, которые должны были строиться на возвышении с устройством дополнительных укреплений у их подножия. В имеющихся деревнях, находящихся на линиях защит, следовало провести внутреннюю перепланировку, сочетаемую с их внешним укреплением. Профилактической мерой своевременного предотвращения опасности была параллельная закладка жилого комплекса, где домовые строения следовало ставить «в две улицы» [26].

Изменение вектора политической активности соседних государств и территориальное закрепление Российской империи на этих рубежах путем создания новой линии обороны, вызвало следующий этап структурного оформления системы охраны Обь-Иртышского междуречья. Апогей военно-инженерной деятельности командиров Сибирской линии пришелся на 50–60-е гг. XVIII в. Он открывался попыткой командующего Сибирской линией графа Бутурлина «выдвинуться в Зенгорскую сторону так, что бы у китайского правительства не возникло подозрений относительно неприятельских намерений русского правительства». Его предложения сводились к постановке дополнительного числа редутов и крепостей на Колыванской линии [27].

Императорский указ «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости до Телецкого озера и построения там в удобных местах крепостей, и о заселении той страны по рекам Ульбе, Убе, Березовке, Глубокой и по прочим рекам» сделал работу по проектированию линий обязательным элементом службы командующих линией [28]. Укрепление «границы с мунгалами», где «особенную предосторожность иметь надо между Колыванской и Иркутской линиями, в том месте границы, где между хвостовой (частью) Кузнецкой линии несколько верст, где прежде никакого и содержания и предосторожности настоящего порядка не имеется, потому в том немалая опасность находится, так же на Иртышской линии, что Усть-Каменогорская крепость, из того что по всей Сибири самая крайняя и затем ото всей стороны особенно от киргизов, зенгорцев, урянхайцев... и других неприятельских народов нападениям подвержены... Потому Кузнецкая и Колыванская линии, а паче в оных рудники и ясашные народы от беспрестанных воровских набегов совсем не прикрыты...» [29], стало главной стратегической задачей на территории Верхнего Приобья.

Россия, опасаясь продвижения китайских войск к приграничной зоне покоренного Джунгарского ханства, на которую активно претендовали, но не имели юридических прав оба государства, изъявляла желание единолично закрепить за собой весь Рудный Алтай. После того, как в 1756–1757 гг. большая часть коренного населения приняла русское подданство, это уже не оспаривалось. Обстоятельства были

достаточно серьезными для того, чтобы вновь начать укрепление рубежей Российской империи [30]. Однако, при выполнении правительственного задания военные инженеры столкнулись с рядом трудностей, делающих почти невозможным полное воплощение проекта строительства оборонительной линии в виде непрерывной цепи укреплений. Особые затруднения были вызваны спецификой местного климата и ландшафта Алтайских гор, а также ведомственными разногласиями военного и заводского начальства. Каждая из указанных сторон стремилась к реализации такого проекта, который бы отвечал их пожеланиям. Горнозаводское начальство предлагало провести линию по северному берегу оз. Нор-Зайсан и восточной стороне Иртыша в направлении Алтайских гор так, чтобы Колывано-Воскресенские заводы, рудники и Телецкое озеро, остались бы в ее тылу [31]. Проект проведения границы, выработанный майорами Фон Эйдемом и Поливановым, представлял линию, соединяющую устье реки Бухтармы и Николаевский форпост Кузнецкой линии, а проходила она через реки: Хаир-Кумин и Сугаш к устью Семы, далее по левому берегу Катунь, через нее от устья Иши вдоль речки Березовки [32].

В 1759 г., анализируя материалы географической разведки и состояние пограничных дел в Сибири, губернатор Соймонов и бригадир Иртышской линии Фрауендорф пришли к решению, схожему с инженерными соображениями графа Бутурлина. Новую военную линию предполагалось провести от Усть-Каменогорской крепости вверх по течению Иртыша до устья реки Бухтармы, далее по её течению до истока, откуда по течению Чулышмана к Телецкому озеру. Детальная разработка проекта была поручена линейным генералам Г. Веймарну и Фрауендорфу, которые незамедлительно приступили к фортификационному оформлению охраны Обь-Иртышского междуречья. Их стратегические предложения по укреплению Верхнего Приобья соотносились с условиями экономического развития алтайских земель и степенью их полезности российской короне, а так же военными возможностями, претендующего на них Китая, военная мощь которого стремительно усиливалась и серьезно беспокоила царское правительство. Тактические неудобства местности позволили выработать несколько вариантов проведения новой границы. Авторами этих

проектов стали генералы Сибирской линии, а так же Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства в лице начальника Колыванских заводов А. Порошина. Правительство настоятельно рекомендовало развить вариант проведения новой границы «от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме до Телецкого озера». Поэтому военно-инженерные решения командиров сводились к попытке закрытия слабо охраняемых территорий посредством выдвижения пограничной черты к Бухтарме [33]. Генералами Веймарном и Фрауендорфом был составлен проект, который в случае своего воплощения и открытия новых горных месторождений, находящихся в тылу новой линии, сулил государству серьезную экономическую выгоду [34]. Укрепленная линия должна была начинаться в Усть-Каменогорской крепости проходить по рекам: Бухтарме, Большому и Малому Хаир-Кумину до Новиковского форпоста Кузнецкого участка Сибирской границы. Её географические очертания представляли собой пологую вертикаль длиной 514 верст с запланированными на ней: 3 пятиугольными и 8 четырехугольными крепостями, 20 редутами и 5 защитами, совокупное количество укреплений составляло 36 укрепленных пунктов [35].

Императорский указ от 12 января 1761 г. «О неотложном исполнении требований Кабинета к распространению выгоды и к пользе Колывано-Воскресенских заводов» [36], наделял горнозаводское начальство большими правами в вопросах осуществления безопасности Колывано-Воскресенского округа. Поэтому Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства настаивала на серьезной переработке проекта Веймарна-Фрауендорфа. Решение заводского начальства было мотивировано тем, что проведенная сообразно плану Военно-походной канцелярии линия не гарантировала безопасности крестьянам, проживающим по берегам Убы, Алея, Чарыша, не защищала территорию Колыванского завода, Пихтовского и других рудников, расположенных в непосредственной близости от границы [37]. Учитывая все обстоятельства, Порошин представил собственный проект проведения и укрепления границы «от Усть-Каменогорской крепости вверх по реке Ульбе и речке Бобровке, а оттуда на Пихтовский рудник из Колывано-Воскресенского завода...» [38]. На трассе намеченной линии,

начиная от Усть-Каменогорской крепости, он предлагал построить Ульбинский, Бобровский, Степной и Убинский редуты, крепость Алейскую, Каменский, Пихтовский, Карбалинский редуты. Между этими объектами он планировал установить маяк, предназначенный для наблюдения «за обстоятельствами неприятельских перелазов» [39].

До вынесения окончательного решения по реорганизации военно-инженерной системы охраны Верхнего Приобья, Канцелярия предлагала придерживаться курса адекватного условиям безопасного развития промышленного производства Колыванских предприятий. Линия временной обороны должна была пройти от Усть-Каменогорской крепости через исток реки Алея на устье Тегерека, впадающего в Иню, где находилась Чагырская крепость и временные защиты. План основывался на стратегических соображениях безопасности: через устье Тигирека проходила большая Калмыцкая дорога, представляющая собой широкий проход для неприятельских вторжений внутрь Российской империи, а так же, впадающая в реку Большую Белую речка Омлиха, которая разделяла дороги, ведущие из Колыванского завода, Пихтовского и Змеиногорского рудников и закрывала примыкающие к рудным приискам населенные пункты. К тому же это позволяло избежать вырубки леса, необходимого для строительства новых крепостей, примыкающих к Колыванскому заводу и ближайшим рудникам [40]. В качестве дополнительного аргумента приводилось то, что расквартированный в этих укреплениях военный контингент может полностью удовлетворить потребность штатного комплектования оборонительной линии военными командами и избавит от проведения глобальной передислокации военнослужащих [41]. Весомость доказательств Порошина показывала несовершенство проекта Веймарна и Фрауендорфа и способствовала дальнейшему проведению исследования алтайских земель.

Военно-инженерными экспедициями 1760 г. руководили майор И. Фон Эйден и инженер-капитан В.М. Плотов, инженер-вахмистр М.М. Карцев, майор Поливанов и инженер-поручик Я.Я. Уксусников. В 1761 г. было сформировано еще две партии, возглавляемые опытными инженерами геодезистами А. Рыжковым и инженером В.

Петрулиным, а состав прежних экспедиций был расширен шихт-мейстерами Д. Головиным и И. Денисовым [42]. Целью рекогносцировочных походов 1760–1762 гг. было составление трассы новой укрепленной линии, оптимально защищающей территорию колыванских предприятий и кузнецких волостей. Каждой из назначенных партий был представлен собственный проект проведения и укрепления границы, однако некоторые из них сразу же были отвергнуты и признаны неадекватными. Остановимся на некоторых проектах, повлиявших на формирование Колывано-Кузнецкой линии.

Инженер-поручик Я. Уксусников и шихтмейстер Д. Головин предлагали построить на проектируемой линии 34 новых укрепленных пункта, при условном делении этого отрезка границы на две дистанции. В состав первой дистанции входили: Берёзовский, Феклисный, Маралихинский редуты, крепость Святого Андрея и редут Иртышский. Вторая дистанция включала в себя крепость Бухтарминскую, редут Медвежий, Пихтовскую защиту, крепость Кокосунскую и Семинский редут. Остальные «23 места» занимали промежуточное положение между основными укреплениями и отмечались лишь пограничными столбами с указаниями планируемых к строительству типовых укреплений [43].

Особенностью проекта Уксусникова-Денисова стало его принятие к реализации ещё до официального одобрения центрального военного командования. Фортификационные работы были открыты ещё до окончания работы экспедиции. Помимо 34 военных объектов, Уксусников и Денисов наметили строительство дополнительных укреплений: Усть-Чалинской и Усть-Тигирецкой крепостей, Чесноковского, Белорецкого, Утесного, Пустынного, Богословского, Секисовского, Бобровского и Убинского форпостов [44]. Мы полагаем, что основной причиной спешного воплощения этого проекта была значительная схожесть предложений инженеров и генералитета Сибирской линии. Вероятно, реализация последней военно-инженерной идеи началась ещё до отправления Уксусникова и Денисова в рекогносцировочный поход. Подтверждением этой гипотезы может служить уровень развития фортификационных работ, осуществленных к моменту составления отчета.

В то время как Уксусников и Денисов, командированные в экспедицию Военно-

походной канцелярией, составляли планы усиления Колыванского участка Сибирской границы, шихтмейстер Головин по заданию заводского начальства производил изучение пограничных территорий Верхнего Приобья. В ходе изучения местности приграничной зоны Головин пришел к отличным от заключений Уксусникова выводам. За основу проведения линии он взял крупную водную артерию – реку Ануй и предлагал провести границу от крепости, поставленной на устье реки Чалы, впадающей в Чарыш, далее к устью реки Белой, с установкой форпоста, затем к редуту на Башелаке, оттуда к реке Сибиряхе, впадающей в Ануй, с установкой там крепости или форпоста. Далее через 12 верст от места впадения в Ануй реки Юртной, на реке Соловьихе построить редут, откуда отступив от истока Соловьихи 4 версты, направить линию к реке Камышенной и вести её вдоль течения реки Песчаной, впадающей в Ануй, где при устье реки Солоновки заложить крепость. Оттуда отвести трассу линии в правую сторону по направлению к «каменным горам» и на расстоянии 25 верст от крепости на реке Песчаной построить форпост или редут. Далее граница шла в направлении к Бобыргану, а оттуда к рекам Ише и Катунь до Катунской крепости и заканчивалась «...через 50 верст от которой на назначенной в прошлом 1761 году инженер-капитаном Плутковым и поручиком Уксусниковым крепости» [45]. Дальнейшее проведение линии по-прежнему зависело от наличия в приграничной местности рек, но впадающих уже не в Ануй, а в реку Белую (с планируемым на ней редутом) и расположения каменных сопков. Оттуда линия проводилась прямо на Новиковский форпост так, чтобы «...все прежние строения крепости, форпосты и защиты и стоящие между оными и по линии деревни оставались внутри» [46]. До окончания строительства назначенной линии Головин предлагал произвести укрепление местности подручными средствами. Например, через протекающие вблизи приграничной полосы небольшие реки нужно было перекинуть мосты, берега окопать, а на больших реках Чарыше, Ануйе, Песчаной и Катунь построить более устойчивые переправы-мосты [47]. Поступившие за последние несколько лет в Комиссию по заграничным делам варианты укрепления Верхнего Приобья были настолько разнородны, что создавали впечатление хаоса.

Двойственность ситуации привела к необходимости разработки очередного варианта укрепления Верхнего Приобья. Авторами этого проекта вновь стали начальник заводов А. Порошин и ассессор И. Христиани. На этот раз, они предлагали план «выгодный для всех». Новая разработка соединяла в себе пожелания центральных и предложения местных военных властей. Акцент ставился на соблюдении интересов заводского начальства. Новую линию предлагалось провести от Усть-Каменогорской крепости через реки Ульбу, Убу и Алей, далее через Пихтовский рудник до Колыванского завода с отклонением в правую сторону от прежнего начертания для более надежной защиты «приисков рудных мест и нужных горному и заводскому строению в вершинах реки Алея лесу, там их захватить и оставить внутри и провести линию через Ульбу, Убу и Белую на устье Тегерека, а от него к Чарышу на Усольцевский горный прииск или Чагирскую крепость, ибо к этому устью реки Тегерека пришла большая Калмыцкая дорога (как Уксусников и Денисов описали) и по ней происходят настоящих заграничных людей воровские перелазы и подъезды для воровства и грабительства и убийств, а в вершинах Тегерека и по речке Омлихе (впадающей в Белую) тех дорог разделение, одна к Колыванскому заводу, другая к рудникам, третья через вершины Алея на Убу» [48]. В этом же документе сообщалось о нецелесообразности проведения линии через Катунскую и Ануйскую крепости. Мотивировалось это тем, что «место это не заграничное, и от назначаемой в сообщениях Соймонова и Веймарна границы далеко внутри и между оных крепостей для притеснения заграничных воровских людей нужно быть разъездам» [49]. В целом, проект горнозаводского начальства 1763 г. мало чем отличался от ранее представленных вариантов укрепления Верхнего Приобья.

Заняв должность командующего Сибирской линии генерал И.И. Шпрингер подробно ознакомился с предложениями военного и заводского начальства, часть из которых была им задействована в новом плане укрепления Верхнего Приобья. Получив частичное одобрение Особой комиссии в 1765 г., генералы Шпрингер и Деколонг приступили к фортификационным преобразованиям Колыванской линии. Проектируя трассу, Деколонг предлагал прибегнуть к использованию типовых

проектов укрепления границы Российской империи второй половины XVIII в., которые базировались на создании непрерывной цепи земляных укреплений. Одним из мотивов строительства подобного рода укреплений на Алтае был недостаток строительного леса в горной и степной местности. Учитывая вышеназванные обстоятельства, Деколонг задал северное направление линии. Она начиналась от Усть-Каменогорской крепости, шла через Верх-Убинку, далее на Верх-Алейское, Тегерек, Чарыш, Бащелак, Камышенку, Солоновку и Каменку, затем через Берксальский маяк на Верх-Катунскую крепость, расположенную на левом берегу Катуня напротив устья Иши, затем через Ишу на Сростские и Усятские урочища, через Бию на Новиковский форпост. На проектируемой линии было запланировано строительство 25 новых укреплений: 6 форпостов, 2 редуты, 10 защит и 7 маяков [50]. После тщательных тактико-стратегических корректировок проектная линия прошла из Усть-Каменогорской крепости через Верх-Алейский форпост на деревню Чарышскую, дальше через реку Слюдянку на Ануй до Николаевского форпоста Старо-Колыванской линии, а затем к Бийской крепости. Помимо построек военного назначения, в смету были заложены расходы на закладку 17 церквей [51]. Таким образом, на Колыванской дистанции было запланировано строительство: 1 крепости, 6 форпостов, 2 редуты, 11 защит, 7 маяков. Начало строительства укреплений первой дистанции Ново-Колыванской линии от Усть-Каменогорской линии через Тегерек до Чарыша было намечено на весенне-летний период 1766 г. [52].

Приняв во внимание рекомендации командира Колывано-Кузнецкой линии генерала И.А. Деколонга относительно наведения порядка на Кузнецкой дистанции, весной 1765 г. Шпрингер отдал приказ об учреждении временных постов в Сростском и Чайлабском (Сайлапском) урочищах. Тем самым генералом была заложена тенденция увеличения плотности размещения опорных пунктов на отрезке от Новиковского до Кузнецкого форпостов. Однако, проведение основных военно-инженерных работ в ясачных волостях Кузнецкого узда откладывалось до лета 1769 г.

За основу фортификационного преобразования Кузнецкого участка границы были приняты предложения инженер-майора Л. Мальма. В составе Кузнецкой дистанции

протяженностью 194 версты 370 сажений, по-прежнему оставались стратегические объекты, сохранившиеся после отказа от сооружения второй дистанции Колыванской линии от Чагырской крепости до Новиковского форпоста [53]. Штат Кузнецкой линии был увеличен на 8 маяков. Строительные работы были завершены осенью 1771 г. и по мнению нового командира Колывано-Кузнецкой линии А.Д. Скалона, состояние дел Колывано-Кузнецкой линии оценивалось как «благополучное» [54]. Колывано-Кузнецкая линия была отведена к югу от прежней линии обороны на 40–100 верст и лишь в некоторых местах она проходила по укреплениям старой границы. Однако, нам известно, что строительство земляных укреплений было не полностью завершено, хотя во многих местах были видны следы планировочных работ по возведению рва и вала. Вблизи некоторых объектов земля была вынута из рва примерно на 4–7 футов, но не везде «преобразована в профиль» (сложена в вал). Куртины (часть крепостной стены, расположенная между двумя бастионами) и гласис (земляная пологая насыпь, находящаяся впереди наружного укрепления – рва или крепости) были не качественно выложены дерном. Окончательное завершение строительных работ по приведению земляных укреплений «в профиль» было отмечено лишь в Тегеретском и Чарышском форпостах, Тулатинской защите, но и там «в некоторых местах вылицеванных крутостей» (профильных земляных сооружений в виде вала) были замечены дефекты, требующие некоторого исправления. В Слюдянском, Сосновском и Николаевском маяках, где земляных сооружений не планировалось, стратегическая боеготовность была хорошей. Ветхих строений на Ново-Колыванской линии не указывалось. Все же, Кузнецкий участок Сибирской линии вызывал серьезную обеспокоенность военно-инженерной комиссии, особенно Кузедеевский форпост, занимающий крайнее пограничное расположение. Находясь на отлогом увале устья реки Карага, среди логов, не окруженный земляными укреплениями он оставался практически открытым. В случае прорыва обороны на этом участке границы, форпост не спасло бы даже наличие четырех бастионных батарей. Защита Нижнененского, Урунского и Канракамского маяков состояла из рогаток и надолбов. Заплот и рогатки

Новиковского маяка находились в «обветшалом состоянии» и требовали реконструкции. Инженеры указывали на то, что наличие земляного вала сделало бы эти маяки устойчивыми к нападению противника. Ветхих построек на Кузнецкой дистанции не было обнаружено [55]. Вероятно, указанные недоделки объяснялись тем, что основную важность сооружению Колывано-Кузнецкой линии предавало временное отсутствие возможности строительства Бухтарминской линии в 60-х гг. XVIII в. [56]. После возведения Бухтарминской дистанции Колывано-Кузнецкая линия становилась стратегически невыгодной.

В течение первого десятилетия, следующего за окончанием строительных работ на Колывано-Кузнецкой линии, сибирское линейное командование оставалось равнодушным к поддержанию фортификационного порядка. Так, в деятельности командующего Сибирской линией генерал-поручика Н.В. Огарёва нами не было отмечено проведения никаких ремонтно-строительных или реставрационных фортификационных работ в оборонительной системе Обь-Иртышского междуречья. В конце 80 – начале 90-х гг. XVIII в. сменивший Н.В. Огарёва новый начальник линии генерал-поручик Г.Г. Штандман, предлагал возродить идею сооружения линии от Бухтармы до Телецкого озера, но его план не получил поддержки правительства. Большая часть военно-стратегических объектов Колывано-Кузнецкой линии постепенно приходила в упадок. Военно-архитектурные элементы крепостей, устрашающие противника принимали запущенный вид. Мнение правительственных властей выражалось довольно лаконично: «Вторжения калмыков за Алтайские горы прекратились и Бийская линия, т.е. Бийск и Кузнецк с другими посредствующими крепостями, войдя во внутренность империи, сделались совершенно излишними» [57].

Низкая вероятность военных столкновений привела к тому, что долговременные фортификационные сооружения можно было заменить всего лишь одной полосой караула между китайской и русской линиями [58]. Рассуждая над вопросом осуществления обороноспособности, колыванский губернатор Б.И. Меллер в 1791 г. приказал: «состоящие в Бертском остроге две башни с надолбами и рогатками продать или,ломав, употребить на построение в удобном месте кладбища»

[59]. Военная линия постепенно трансформировалась в своеобразные кадровый, артиллеристский и провиантский резервные придатки других сибирских линий, она стала выполнять функции наблюдательного и разведывательного назначения, отслеживая передвижения «различных кочевых орд посредством частных связей с калмыками-двоеданца-ми» [60].

Все же, в конце XVIII в. в сфере реорганизации системы охраны Верхнего Приобья был отмечен еще один правительственный импульс, связанный с реформаторской деятельностью Павла I в сфере военизации страны. В 1798 г. император проявил заинтересованность делом укрепления Кузнецкой дистанции Сибирской линии. Им был отдан приказ «...о сооружении вблизи Кузнецка двух ретраншементов (вспомогательных фортификационных построек для усиления внутренней обороны крепости) – одного на горе, на месте старого, а другого на другой стороне города» [61]. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что реставрационные работы, проводимые в Кузнецкой крепости, не ограничивались построением простейших ретраншементов. Уже в 1799 г. на месте, указанном генералом Штрэндманом, был отстроен современный четырехполигонный ретраншемент с бастионами, а вместо второй вспомогательной постройки оборонительного назначения была поставлена классическая бастионная крепость [62]. Внутренняя перепланировка Кузнецкой крепости, состоявшей в штате российских крепостей, не меняла военно-инженерных очертаний линии, а лишь усиливала локальную обороноспособность Кузнецка. Иные стратегические пункты Верхнего Приобья уже не подлежали дальнейшей реорганизации.

Подводя итог фортификационному укреплению Верхнего Приобья, отметим, что к концу XVIII в. на Колыванской линии, простирающейся от Усть-Каменогорской крепости до уездного города Бийска, были построены и учтены: редут Бобровский, редут Секисовский, редут Верхне-Убинский, редут Плоский, редут Верхне-Алейский, маяк Ключевской, редут Белорецкий, редут Андреевский, форпост Тегерецкий, редут Яровской, редут Тулатинский, форпост Чарышский, редут Сосновский, редут Маральи рожки, редут Слюдянский, форпост Антоньевский, редут Николаевский, редут

Терской, крепость Ануйская, крепость Катунская, крепость Бийская. Протяженность Колыванской дистанции Сибирской линии составляла 457 ½ верст [63]. Продолжением Колыванской линии являлся Кузнецкий участок Сибирской границы, простирающийся на 300 ½ верст. Кузнецкая «граница» начиналась от Бийской крепости и продолжалась редутами Бехтемирским, за которым следовали: редут Новиковский, редут Лебяжий, редут Сайлапский, редут Сайдыпский, редут Нижне-Ненинский, редут Урунский, редут Канракамский, редут Верхне-Ненинский, редут Пуштулимский, редут Сары-Чумышский, редут Кандалебский, форпост Кузедеевский, редут Калтанский, редут Ошмаринский, укрепленный город Кузнецк. Общее количество укрепленных пунктов по Колывано-Кузнецкой линии на 757 ½ верст составляло 37 объектов, со средним показателем плотности их расположения по границе – 20,5 верст. В отличие от ретраншементов Иртышской линии в 7,5 верст, данные Колывано-Кузнецкой линии оставляли желать лучшего, кроме того, интервалы между стратегическими объектами по-прежнему оставались не равномерными (от 30 до 10 верст). Между тем, на фоне значительного сокращения уровня военной опасности, тактико-стратегические параметры линии получили новое назначение, «...с прекрасным местоположением редутов и всем, что для жизни человека нужно, изобилует с избытком, даже рыбная и звериная ловли здесь немаловажны; но все сие не облегчает труда, который потребно иметь к тому, чтобы иметь сообщение с ближайшими местами. Нет нигде почти столь трудных дорог и частых переправ, то бродом, то мостами, то перевозами, как здесь. Почему сия и другая Кузнецкая линии для какого-то ни было войска почитается непроходимой, но даже и неприступной...» [64].

Таким образом, созданная в XVIII в. система военно-инженерной охраны и безопасности обеспечила безопасные условия жизнедеятельности русского и коренного населения, принявшего российское подданство, дала возможность беспрепятственного развития горнозаводского производства. Она стала основой для дальнейшего расширения территории Российской империи на юг. Возведение Колывано-Кузнецкой дистанции Сибирской линии замкнуло цепь

оборонительных линий от Урала через Оренбург, по Иртышу вверх и через Бийск до Кузнецка, стало составной частью единого плана обороны Российской империи [65].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1584. Л. 49 об.
2. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 26–26 об.
3. ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 153. Л. 44–46 об.
4. Сенатский архив. СПб., 1897. Т. 5. С. 620–621; РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1584. Л. 3.
5. РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1584. Л. 6 об.
6. Там же. Л. 157–158 об.
7. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 346; ГАОО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 5–15, 23–30.
8. РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1584. Л. 41 об.
9. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–6 об.
10. Там же. Л. 10 об.
11. АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/2. Д. 1 (1746–1754). Л. 51–66.
12. Там же. Л. 8–20.
13. РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1584. Л. 1241–1241 об.
14. Там же. Л. 838–839 об.
15. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об–6.
16. Там же. Д. 1. Л. 62–62 об.
17. Там же. Д. 94. Л. 341–341 об.
18. Там же. Д. 1 Л. 74–77 об.
19. Там же.
20. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 34. Л. 4 об–6.
21. РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1584. Л. 105.
22. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 435 об.
23. Там же. Л. 439–442.
24. Там же. Л. 449–452.
25. Там же. Л. 437.
26. Там же.
27. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1363. Л. 1.
28. ПСЗ РИ-1. СПб., 1830. Т. 15. С. 533.
29. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 41–42.
30. Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири 1582–1808 гг. (Краткие очерки). Ч. 4. Омск, 1996. С. 105.
31. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 327. Л. 389–389 об.
32. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 549.
33. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 42 об.
34. Там же. Л. 8 об.
35. Там же. Л. 82 об.
36. ПСЗ РИ-1. СПб., 1830. Т. 15. № 11185. С. 616–620.
37. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 165.
38. РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23. Л. 22–23.
39. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 165–165 об.
40. Там же. Л. 160.
41. Там же.
42. Там же. Л. 1 об; 94 об.
43. Там же. Л. 260–263.
44. ЦХАФ АК. Ф. Р-1765. Оп. 1. Д. 5. Л. 128–129.
45. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 260–263.
46. Там же.
47. Там же. Л. 261 об.
48. Там же. Л. 280–281 об.
49. Там же. Л. 281 об.

50. РНБ. Отдел рукописей. F–IV 261. Шпрингер И.И. Материалы по освидетельствованию Сибирской линии. 1764–1765 гг. Л. 75.
51. Недбай Ю.Г. Указ. соч. С. 105.
52. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 131. Л. 37.
53. АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/3. Д. 5. (1785). Л. 17–54.
54. Там же.
55. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 70–71.
56. Кузнецкая линия // Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. М., 1804. Ч. 3. С. 955.
57. Там же. С. 690.
58. Там же.
59. АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/3. Д. 5. 1785. Л. 17–5454.
60. Там же. Д. 1 (1746–1754). Л. 49, 66 об.
61. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. С. 210.
62. АВПРИ. Ф. 130. Оп. 133. Д. 6. 1785. Л. 51 об.
63. ПСЗ РИ-1. СПб., 1830. Т. 25. № 18497. С. 219.
64. РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 4426–4508.
65. АВПРИ. Ф. 130. Оп. 130/3. Д. 5. 1785. Л. 3.

Приложение

ПЕРЕЧЕНЬ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПУНКТОВ ПРОЕКТИРУЕМЫХ УКРЕПЛЕННЫХ ЛИНИЙ СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Старо-Колыванская линия (проект А.Безра):

1. Крепость Усть-Каменогорская.
2. Форпост Убинский.
3. Форпост Шульбинский.
4. Форпост Красноярский.
5. Форпост Шемонаевский.
6. Форпост Старо-Алейский.
7. Крепость Змеиногорского рудника.
8. Крепость Колывано-Воскресенского завода.
9. Рудник Чагирский.
10. Форпост Казанской Богоматери.
11. Защита Кабанова.
12. Маяк Николаевский.
13. Крепость Ануйская.
14. Крепость Катунская.
15. Крепость Бийская.

Проект Г. Веймарна – К. Фрауендорфа:

1. Крепость Усть-Каменогорская.
2. Крепость Святого Иоанна.
3. Защита Хантакская.
4. Крепость Хаир-Куминская.
5. Редут Усть-Хаиркуминский.
6. Крепость Кокусанская.
7. Редут Нижне-Суугажский.
8. Редут Суугажский.
9. Редут Джелинский.

10. Редут Верх-Джелинский.
11. Крепость Усть-Тенгизская.
12. Защита Тенгизская.
13. Редут Песчаный.
14. Редут Усть-Белпсирийский [?]
15. Крепость Тоалтагериская.
16. Крепость Семинская.
17. Крепость Катунская.
18. Крепость Талдинская.
19. Редут Клименский.
20. Крепость Усть-Ишимская.
21. Редут Березовский.
22. Форпост Новиковский.

Проект В.Ю. Петрулина – Плутова:

1. Крепость Усть-Каменогорская.
2. Редут Фетисовский.
3. Крепость Святого Андрея.
4. Редут Маралихинский.
5. Редут Иртышский.
6. Крепость Бухтарминская.
7. Редут Пещерский.
8. Редут Острый.
9. Крепость Святого Иоанна.
10. Редут Двумельничный.
11. Крепость Святого Федора.
12. Редут Медвежий.
13. Защита Пихтовая.
14. Крепость Хаир-Куминская.
15. Защита Хантайская.
16. Редут Усть-Хаиркуминский.
17. Крепость Кокусанская.
18. Редут Нижне-Суугажский.
19. Редут Верхне-Суугажский.
20. Редут Вершинный.
21. Редут Джелинский.
22. Редут Верх-Джелинский.
23. Крепость Тенгизская.
24. Редут Верхопесчанский.
25. Редут Усть-Белпирский.
26. Защита Тоалгариская
27. Редут Семинский.

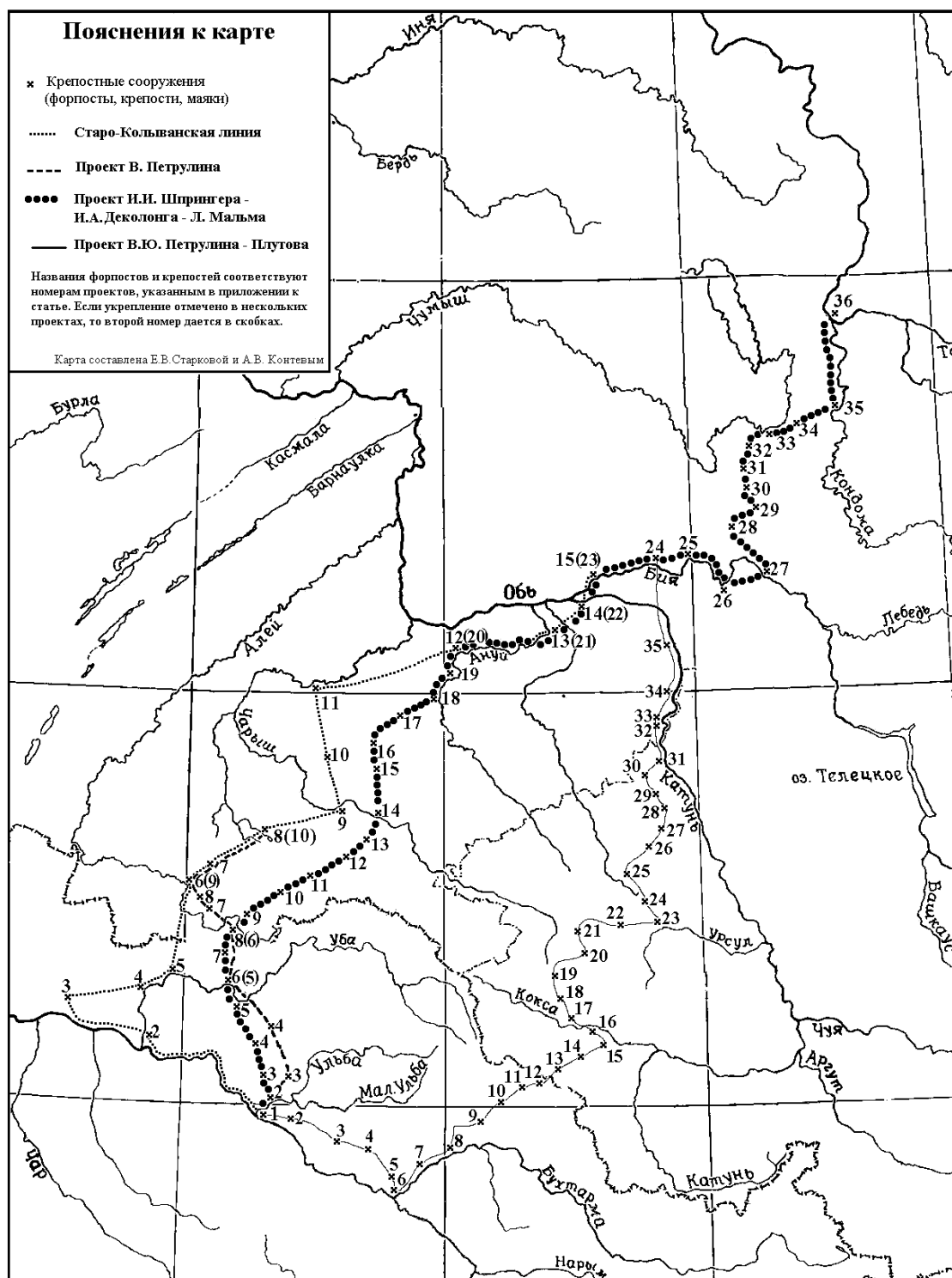
28. Редут Местинский.
29. Крепость Семинская.
30. Редут Верх-Семинский [?].
31. Крепость Катунская [?]
32. Крепость Талдинская.
33. Редут Илимпейский
34. Форпост Новиковский.

Проект Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства (В. Петрулина):

1. Крепость Усть-Каменогорская.
2. Редут Ульбинский.
3. Редут Бобровский
4. Редут Степной.
5. Редут Убинский.
6. Крепость Алейская.
7. Редут Каменский.
8. Редут Пихтовский.
9. Редут Карбалихинский.

Проект Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства (А. Порошина – И. Улиха):

1. Крепость Колывано-Воскресенского завода.
2. Защита Беловская.
3. Форпост Верх-Убинский.
4. Редут Яровской.
5. Форпост Усть-Тулатинский.
6. Форпост Тигирецкий.
7. Защита Чесноковская.
8. Редут Горелый.
9. Форпост Усть-Убинский.
10. Защита Убинская.
11. Форпост Верх-Пустынский.
12. Редут Березовский.
13. Защита Бобровская.

Проект Д.Головина:

1. Крепость Усть-Белая.
2. Форпост Белый.
3. Крепость Башцелак
4. Редут Башцелакский (Ключевской).

5. Крепость (редут) Усть-Сибирячихинский.
6. Редут Юртный.
7. Редут Камышенный.
8. Крепость Песчаная.
9. Редут Солоновский.

10. Редут Белорецкий.
11. Редут Ишимский.
12. Крепость Катунская.
13. Форпост Новиковский.
Схема построена по сл. точкам: Белая речка, Сосновка, Юртная, Соловьяха, Камышенка, Песчаная, Иша, Новиковский форпост.

Проект Я.Я. Уксусникова:

1. Крепость Усть-Каменогорская.
2. Редут Березовский.
3. Редут Феклисный.
4. Редут Маралихинский.
5. Крепость Святого Андрея.
6. Крепость Бухтарминская.
7. Редут Медвежий.
8. Защита Пихтовская.
9. Крепость Кокусанская.
10. Редут Семинский.

Дополнительные укрепления:

1. Редут Усть-Чалинский.
2. Крепость Усть-Тигерецкая.
3. Форпост Чесноковский.
4. Форпост Белорецкий.
5. Форпост Утесный.
6. Форпост Пустынный.
7. Форпост Богословский.
8. Форпост Секисовский.
9. Форпост Бобровский.
10. Форпост Убинский.

Проект И.И. Шпрингера – И.А. Деколонга – Л. Мальма:

1. Крепость Усть-Каменогорская.
2. Защита Ульбинская.
3. Защита Бобровская.

4. Редут Секисовский.
5. Защита Верхне-Убинская.
6. Редут Большерецкий.
7. Редут Плоский.
8. Форпост Ново-Алейский.
9. Маяк Ключевской.
10. Защита Белорецкая.
11. Форпост Тигирецкий.
12. Маяк Яровой.
13. Защита Тулатинская.
14. Форпост Чарышский.
15. Маяк Сосновский.
16. Защита Маралихинская.
17. Маяк Слюдянский.
18. Форпост Антоньевский.
19. Петропавловское.
20. Маяк Николаевский.
21. Крепость Ануйская.
22. Крепость Катунская.
23. Крепость Бийская.
24. Маяк Бехтемирский.
25. Маяк Новиковский.
26. Маяк Лебяжий.
27. Маяк Сайлабский.
28. Маяк Нижне-Ненинский.
29. Маяк Урунский.
30. Маяк Караканский.
31. Маяк Верхне-Ненинский.
32. Полумаяк Пуштулимский.
33. Маяк Сары-Чумышской.
34. Полумаяк Кандалебский.
35. Форпост Куздеевский.
36. Укрепленный город Кузнецк.